

Глава шестая БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

1. С настороженностью и надеждой

С завершением сосредоточения корпуса вокруг Меджидии 13-я гвардейская механизированная бригада получила возможность расположиться более компактно в западной части города, в ближайших двух населенных пунктах и в поле между ними.

Уже 2-го сентября все подразделения и части с их техникой были в районе сосредоточения. Однако танковый полк все еще ожидал погрузки в железнодорожные эшелоны вблизи станции Тульча. Штаб корпуса объяснял это аварией грузового поезда на участке Тульча - Меджидия с разрушением значительной части полотна.

Главной задачей в те дни было пополнение материальных средств. Боеприпасов было достаточно, но горюче-смазочных материалов оставалось менее ползаправки.

Но и здесь, как и в ходе операции и марша от Леово к Дунаю, тыл бригады со своими задачами справился успешно. До Ковырлуя части и подразделения в среднем израсходовали полбоекомплекта боеприпасов, а под Ковырлуем - полтора; горючего, соответственно, две и 0,3 заправки. Тем не менее, к 28-му августа весь расход был выполнен за счет подвоза.

На маршах до Дуная и от Дуная до Меджидии расход автобензина составил две заправки. И уже к исходу 3-го октября он был выполнен.

Начальник артснабжения гвардии капитан Н.Л.Жорницкий и начальник снабжения горюче-смазочными материалами (ГСМ) гвардии старший техник-лейтенант Марк Львович Теплицкий, свои обязанности выполняли самоотверженно. Мне часто приходилось лично ставить им задачи, и они никогда не подводили.

Вот и здесь, когда 6-го сентября штаб корпуса передал распоряжение комкора иметь к исходу следующего дня повышенные подвижные запасы: горючего - три заправки, боеприпасов всех видов - два боекомплекта, эти начальники с заданием справились. После ознакомления с распоряжением я их спросил:

- Чем должен помочь штаб?

- Из трофейного склада в Констанце привезем недостающее горючее к утру завтра, - доложил начальник снабжения ГСМ.

- Для подвоза полбоекомплекта мин, четверти боекомплекта артснарядов и такого же количества танковых боеприпасов со склада из Галаца, - докладывал гвардии капитан Жорницкий, - нужно выделить дополнительно из подразделений 14-ть автомашин к двум моим порожним.

- Выделим. А срок подвоза?

- Туда и обратно 300 км. К исходу завтрашнего дня доставим.

Вечером на следующий день полковник Троценко сказал в их адрес:

- Подлинные гвардейцы тыла!

Не касаюсь продовольствия. В ходе успешных наступательных операций практически постоянно мы были обеспечены им за счет запасов противника. Редко возимый запас снижался до нормы, то есть пять суток, обычно был больше.

Если до 5-го сентября нами строились предположения о возможном направлении действия корпуса, то после прозвучавшего в этот день по радио

сообщения, о ноте Советского правительства правительству Болгарии, нужда в предположениях отпала.

- Так что, Обатуров, будем наступать на болгар? - спросил меня Листухин.

Я не сразу ответил. До сих пор с болгарамы мы не воевали. Болгарское прогерманское правительство послать на фронт против нас свои войска не осмелилось. Будем ли воевать теперь? Конечно, будем, если болгарская армия откроет огонь. А если не откроет?

- Иван Яковлевич, будем наступать или двигаться без боя - не знаю, - ответил я.

- А решительный тон ноты?

- Нота - не для народа, а для тех, кто правит Болгарией. Воюет же армия, часть народа. Что она будет делать? - вот вопрос.

Чем вызвано объявление состояния войны между Советским Союзом и Болгарией - нам было ясно. С самого начала фашистской агрессии против СССР монархо-фашистское правительство Болгарии помогало Германии, причем вопреки заявлению о нейтралитете. Оно предоставило порты для базирования немецкого флота, аэродромы для авиации и пути сообщения. Более того, болгарские войска выполняли оккупационную службу в Югославии и Греции, высвобождая фашистские войска для действия против СССР. Советское правительство неоднократно обращало внимание болгарских властей на несоблюдение нейтралитета.

Решительное предупреждение было сделано 30-го августа, то есть тогда, когда даже соседняя Румыния вступила в войну с Германией. Вместо разрыва с последней, болгарское правительство не препятствовало использованию территории, воздушного и водного пространства страны отступавшими гитлеровцами.

В этой обстановке Советскому правительству ничего не оставалось, как объявить состояние войны с Болгарией и прекратить дипломатические отношения.

К сожалению, наши знания болгарской армии ограничивались лишь общими сведениями: дивизий - 23, отдельных бригад - 7, самолетов разных - до 450, сторожевых кораблей и катеров - до двух десятков. Известно было также, что вдоль границы с Румынией и вблизи нее располагаются четыре пехотные дивизии и две пограничные бригады, но где именно - оставалось неясным. Ведение же авиаразведки до объявления состояния войны исключалось.

Обстоятельнее оказалась информация о внутривнутриполитическом положении в Болгарии. Ее сделал на КП корпуса вечером 5-го сентября заместитель командира корпуса по политической части гвардии полковник А.М.Костылев.

Александр Михайлович рассказал о напряженной борьбе двух сил в Болгарии. С одной стороны, буржуазные партии и опирающаяся на них монархо-фашистская верхушка, проводящие политику сотрудничества с фашистской Германией. С другой стороны, Отечественный фронт, включающий партии, опирающиеся на трудящихся и ведущие их за собой. Первые, используя полицию, жандармерию и армейские части, развязали террор против патриотов. В ответ на него патриотические силы, наряду с политической работой в массах, начали партизанскую борьбу, продолжавшуюся к тому времени уже более двух лет.

Мы оживились, когда полковник Костылев заговорил о двух армиях.

- Год тому назад партизанские отряды объединились в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА), состоящую из бригад, отрядов и

боевых групп. В вооруженной борьбе уже участвуют сотни тысяч человек, то есть она приняла массовый характер. Душой антифашистской борьбы стала Болгарская рабочая партия (БРП). Словом, налицо революционная ситуация. Революционные массы ждут Красную Армию и поддержат ее.

- Возросло влияние Отечественного фронта и БРП в армии, - продолжал докладчик. - Но надо иметь в виду, что последняя, наряду с использованием ее в оккупационных целях в Югославии и Греции, применяется в операциях против партизан. А это говорит о том, что пока значительно влияние в ней той части офицеров, которая настроена прогермански, антисоветски. Значит, сопротивление продвижению Красной Армии со стороны правительственных войск не исключено.

- Есть надежда, что болгары не будут в нас стрелять, - сказал по пути на КП бригады полковник Троценко.

- Впервые за войну придется говорить нашим гвардейцам: надейтесь, но будьте готовы драться, - сказал я.

- А это не проще, чем настраивать на разгромную атаку. Важно потребовать, чтобы никто из наших воинов не открыл первым огонь.

6-го сентября корпус, по-прежнему составляя подвижную группу фронта, получил боевую задачу. После ряда уточнений она заключалась в следующем: с утра 8-го сентября из исходного района севернее населенного пункта Сераджа (50 км северо-восточнее города Добрич) нанести удар в направлении Добрич, Варна, Бургас, к исходу 8-го и 9-го сентября овладеть, соответственно, городами Варна и Бургас и выйти на рубеж Айтос, Бургас. Средства усиления остались прежними.

По решению генерала Жданова корпус вводился на территорию Болгарии по трем маршрутам, причем в головы трех колонн назначались механизированные бригады, а танковая бригада - во второй эшелон¹⁵⁷.

13-я гвардейская мехбригада с теми же 1961-м противотанковым и 1347-м зенитным артиллерийским полками и 1-й ротой 138-го саперного батальона должна была наступать на правом фланге корпуса по маршруту № 1 - Четатя (60 км северо-восточнее Добрич), Сераджа, западная окраина Добрич, Крумово, Девня, к исходу 8-го сентября овладеть районом Девня, лес южнее и не допустить отхода противника из Варны на запад. Соседом справа был 62-й мотоциклетный батальон, выходивший в Провадию, а слева - 14-я гвардейская мехбригада, имевшая задачу к исходу 8-го сентября овладеть западной частью Варны.

Впервые штабу пришлось разрабатывать решение на действие бригады без танков. Это было и непривычно и казалось рискованным.

- Без танков-то мы разве мехбригада? - досадовал майор Федоров.

- Надо попросить, чтобы командир корпуса дал из другой бригады хотя бы роту, - предложил Ярцев.

- Вот что, парни, во-первых, без танков мы уже воевали на Никопольском плацдарме, во-вторых, чужих танков нам не дадут. Но у нас много артиллерии, будем рассчитывать на нее.

И было решено ПО - 2-й мотострелковый батальон, которым командовал теперь капитан Федоров, усилить минометным батальоном в полном составе, батареей 76 мм пушек и батареей зенитного полка. 1961-й противотанковый полк вести в голове главных сил за штабом, а артдивизион - между мотострелковыми батальонами с

расчетом, что при развертывании для атаки каждый мотострелковый батальон будет усилен артиллерией без перестроения походного порядка.

Командир бригады при отдаче устного боевого приказа подчеркнул:

- Будем наступать, если придется, без танков. Их огневую мощь приказываю восполнить артиллерией, а ударную силу - дерзостью мотострелков.

Именно так! В сложившейся обстановке это было не шуткой, а приказом.

В ходе рекогносцировки до населенного пункта Четатя мы убедились, что на грунтовой дороге бригада, имеющая в колонне свыше 330-ти единиц техники, поднимет огромное облако пыли, которое исключит нормальное движение. Пришлось дистанцию между машинами увеличить до 100 м, вследствие чего колонна бригады удлинилась с 27-ми до 44-х км.

Комбриг решил марш начать в час 8-го сентября и накормить личный состав завтраком в исходном районе.

Два дня, 6-го и 7-го сентября, проводилась работа с личным составом, касающаяся поведения советского воина в Болгарии. Разъяснялось, что Болгария - дружеская страна, что наша дружба с болгарями имеет многовековую историю. Подчеркивалось, что прогитлеровскую политику проводит лишь монархо-фашистская верхушка страны, что народ ждет Красную Армию. Это ожидание воины должны оправдать образцовым поведением.

- Мы покрасили машины, большинство гвардейцев одели в новое обмундирование, - говорил, заканчивая боевой приказ полковник Троценко. - Внешний вид имеет значение, но, главное, что должны показать наши люди, это - скромность, простоту и душевность, высокую мораль и сознательность. Обеспечить это - задача всех командиров и политработников.

Венцом разъяснительной работы явилась зачитка обращения Военного совета фронта к болгарскому народу и его армии, которая проводилась уже на остановке в ходе марша и в исходном районе. В обращении были такие слова:

"Болгары! Красная Армия не имеет намерений воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача - разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира. Для этого необходимо, чтобы болгарское правительство перестало служить делу немцев, чтобы оно порвало немедленно дипломатические отношения с немцами и перешло на сторону коалиции демократических стран".

Ночной марш в исходный район, как и ожидалось, был нелегким, хотя и коротким - 50 км. Шли без света фар, и облако пыли, поднимаемое колесами, делало ничтожной видимость, лишало водителей такого ориентира, как свет задних фонарей впереди идущих машин. И все же к семи часам бригада стояла в колонне в исходном районе. К семи с половиной часам личный состав позавтракал, и командир бригады лично доложил комкору:

- Исходное положение занял. Готов выполнить сигнал.

- Ждите сигнала.

Наше настроение не было обычным, предбоевым. Наряду с понятной настороженностью соседствовала надежда - надежда войти в Болгарию без боя: ведь мы и болгары - братья.

2. Встречают как братьев

Стрелки часов сравнились с цифрой "8", с временем, установленным для перехода границы, но сигнала не было. Через несколько минут радиотелеграфист доложил, что меня вызывает "третий". Я взял трубку и назвал себя.

- Для исполнения "Ласточки" добавляется три часа, - проговорил гвардии подполковник Толубко.

- Понял, добавляется три ноль ноль, - ответил я.

Тотчас доложил полковнику. Яков Иванович потянулся, расслабляясь, и проговорил:

- Кто-то опоздал. Жаль, теряем солнечное утро... А нам спать: мне час и тебе час.

- Проскочу к разведгруппе. Бабкин уже дважды запрашивал, что делать.

А полковник уже спал на сидении "Виллиса".

Я двинулся к границе на своем "Хорхе", по бокам которого раскачивались две штыревые антенны.

От головы колонны до границы - 4 км. К семи с половиной часам к границе была выдвинута разведгруппа (РГ) бригады с отрядом обеспечения движения; ее головной бронетранспортер стоял в 100 м от румынского шлагбаума. Подъезжая, увидел и на болгарской стороне шлагбаум и небольшой дом погранпоста.

- Иван, работа отложена до 11-ти часов, - сказал я к подошедшему с докладом гвардии капитану Бабкину. - У вас все нормально?

- Да, все в порядке.

- А как там? - спросил, махнув в сторону болгарского поста.

- Все тихо. У шлагбаума два болгарских пограничника с винтовками. С румынской стороны никого нет.

Я взял одного офицера и двух разведчиков и направился к болгарским пограничникам.

При подходе к болгарскому шлагбауму нас встретил вышедший из помещения чин и представился. Со слов, которые оказались нам понятными, я уяснил, что он - подпоручик, начальник поста, но фамилию не запомнил. Я ответил:

- Подполковник Красной Армии Обатуров.

- Ас знам, - ответил подпоручик, показывая на звездочки на наших головных уборах.

Мы поздоровались. Улыбался он, улыбался стоявший на посту солдат.

С разрешения подпоручика мы вошли в дом. В первой комнате на стене висели портреты: пожилого, в военной форме, с наградами, и мальчика с локонами волос по обе стороны головы, в светлой рубашке. Увидев, что мы разглядываем портреты, поручик пояснил, что старший - царь Борис, который уже умер, а мальчик - Симеон, наследник престола.

Нас окружали пять болгарских солдат, оружие которых находилось в открытой пирамиде. На лицах всех светилась улыбка и радость.

- Кто ваш начальник и где он находится?

- Подпуковник..., на Добрич.

- Можно ли поговорить с ним по телефону?

Он охотно указал на телефонный аппарат на стене, подошел, покрутил ручку и вскоре переговорил со своим подполковником, доложив, что хочет говорить советский офицер. Я взял трубку и спросил:

- Господин подполковник, если мы войдем на территорию вашей страны, пограничники будут в нас стрелять?

Ответа не последовало.

Уходя, я тот же вопрос задал подпоручику. Он ответил, что его пост стрелять не будет, но он доложит в Добрич.

Возвращался окрыленный, с резко возросшей надеждой на бескровие. Доложил командиру бригады. И не успел попросить не сообщать в корпус, как полковник тотчас доложил генералу Жданову.

- Сведения очень нужные. Сделаем то же в других бригадах.

И я облегченно вздохнул, так как ожидал очередной нагоняй: ведь приказа на контакт с болгарскими пограничниками не было, а инициативу генерал Жданов мог расценить как самовольство.

Ровно в 11-ть часов по радио был получен сигнал на переход румыно-болгарской границы. Штаб бригады в свою очередь передал свой сигнал "Синица", и бригада двинулась вперед.

- Болгарский пост открыл шлагбаум, построился и отдал честь, пропуская разведгруппу, - доложил по радио гвардии капитан Бабкин.

То же случилось с ПО и главными силами бригады.

- Начало многообещающее, - сказал полковник на первой остановке.

А вскоре началось неожиданное. Во всех населенных пунктах, где проходила бригада, народ Болгарии встречал нас восторженно, с ликованием, с красными знаменами и пятиконечными звездами. Только и слышалось:

- Да здравствует Красная Армия!

- Добро пожаловать!

- Да здравствует Сталин!

- Добре дошли, наши другари!

Но мы спешили, пока нас не остановило распоряжение подождать одну из дивизий 37-й армии. Ушло на это два часа и, не дождавшись, с разрешения командира корпуса возобновили движение.

Мы надеялись, что РГ и ПО, которые не были остановлены, успешно продвигаются в назначенный бригаде район у поселка Девни, к западу от Варны. Но оказалось не так.

Когда штаб бригады, следуя в голове колонны главных сил, вошел в Добрич, то окунулся в гущу людей, плотно заполнивших все улицы. В городе царило всенародное ликование. Впереди была видна колонна ПО, утонувшая в людском море. Вокруг машин, на машинах, на капотах были болгары, обнимавшие воинов. Вскоре случилось то же самое с нами. Всю пыль с наших лиц унесли болгарские поцелуи. Тут же в окружении десятков красных знамен и полотнищ с лозунгами шли митинги, на которых люди требовали свергнуть и арестовать правительство Муравиева.

- Кто знал, что будет так, - с улыбкой говорил командир бригады, вырываясь из объятий. - Можно бы город обойти.

- Будем пробиваться, - ответил я и вызвал офицеров штаба.

При четко работавшей радиосвязи на дальности 40 км была без искажений принята радиограмма командира корпуса: "13-й бригаде от Добрич двигаться на Варну. После занятия к исходу дня ее западной окраины выйти в Севсевмест, 6 км южнее Варны, в готовности к продвижению на Бургас".

Новый маршрут и новые задачи были тотчас переданы подчиненным командирам, а также РГ и ПО.

Образовав две группы офицеров и взяв роту автоматчиков, используя уговоры и руки, мы постепенно раздвинули толпы людей, образовали "коридор", по которому со скоростью пешехода двинулась колонна. Так дошли до ПО и РГ и уже вместе с ними пробились на южную окраину города, потеряв два часа. РГ и ПО быстро двинулись на Варну и сумели оторваться от главных сил.

- Обатурыч, Добрич - урок! Остановим всех на окраине Варны, там изучим обстановку и решим, как действовать.

- Есть.

И я подал по радио команды РГ и ПО.

Последние уже в 20 часов, а главные силы через 20 минут после них достигли северо-западной окраины Варны. Сделав доклад комкору, полковник Троценко распорядился:

- Разведку и ПО выдвиньте по улицам западной части Варны на юг, одновременно разведайте выход на Севсевмест, а главные силы придержите.

После того, как я отдал распоряжение, он пригласил меня проехать в центр города, чтобы выяснить, что там делается.

На стыке двух главных улиц центра шел митинг; здесь же находилась часть колонны 15-й гвардейской механизированной бригады и штаб корпуса. Оставив машины, мы подошли ближе к импровизированной трибуне. Возле нее стояли вооруженные винтовками и охотничьими ружьями мужчины в штатском, несомненно - партизаны. Несколько в стороне в строю находилось войсковое подразделение с винтовками, а вокруг - тысячи граждан, с ликованием поддерживавших ораторов.

Рядом с трибуной стояли генерал Жданов, полковник Костылев и подполковник Толубко. Закончив выступление, оратор пригласил выступить генерала Жданова. Последний показал на подполковника Толубко и сказал:

- Вот этот подполковник - комендант Варны, ему и выступать.

- Есть, - ответил Толубко и стал взбираться на трибуну. В этот момент полковник Троценко сказал:

- Здесь все ясно: пройти нельзя. Возвращаемся к колонне. Сразу по возвращении, гвардии майор Федоров доложил командиру бригады:

- Путь к южной окраине Варны и далее в Севсевмест разведан и отрегулирован.

- Хорошо. Дайте сигнал ПО, а затем и главным силам - вперед.

Бригада вышла в назначенный район к 22 часам. Рядом с поселком Севсевмест оказалось поле с пустырем, на котором бригада расположилась параллельными колоннами полков и батальонов.

Я передал в штаб корпуса донесение о выполнении задачи дня. И тут же был вызван к аппарату начальника штаба корпуса.

- Вся ли бригада в сборе? Сколько машин отстало?

- Бригада вся здесь. Число отставших машин уточняю, но примерно до двадцати и, главным образом, на подъеме от Добрича к Варне.

- Сколько нужно времени на дозаправку и прием пищи? - продолжал спрашивать полковник Чиж.

Догадываясь, о чем идет речь, я доложил:

- На это три часа. Но большинство грузовых машин без горных упоров; их изготовление займет вся ночь.

- В таком случае готовность к маршу на Бургас предварительно определяем шесть ноль 9-го сентября.

Вскоре по вызову прибыли командиры и заместители по политчасти частей и подразделений. После короткого заслушивания полковник Троценко дал указания.

- Теплая встреча братьев-болгар ослабила бдительность. Не допустите беспечности, ведь мы не знаем, где и сколько встретим гитлеровцев. Далее, впереди - Балканы, горы серьезные с крутыми подъемами, спусками и поворотами. Машины перегружены, уже более десятка их из-за отказа тормозов на подъеме к Варне скатились назад и побились. Срочно доделать горные упоры. А помощникам по техчасти и тылу обеспечить стальным уголком. К шести часам завтра - готовность к маршу.

После 23-х часов побывал в штабе бригады гвардии полковник Чиж. Убедившись, что начало марша бригады утром 9-го сентября реально, он подтвердил готовность к шести часам. Перед отъездом подозвал нас с командиром бригады и спросил:

- Что случилось? Комкор с неприязнью принимает доклады о 13-й, хотя она ни в чем не отстает от других бригад. Не сразу согласился иметь 13-ю в авангарде корпуса при движении на Бургас, хотя другие бригады могли бы выступить часа на три-четыре позже.

- Я догадываюсь о причинах раздражения, - ответил полковник Троценко, покосившись на меня.

Я тотчас отошел и занялся своими делами. Однако стало больно за бригаду от неприязни комкора к комбригу или к обоим нам.

Мы с Сергеем Федоровым разделили пополам время для отдыха - до шести часов 9-го сентября.

Около трех часов поступила радиограмма: бригаде начать марш главными силами в 8.30 и, следуя по маршруту Присельцы, Старо-Оряхово, Рудник, Дюлино, Александрове, к 13-ти часам выйти в Бургас, обеспечив сосредоточение корпуса в районе Айтос, Бургас.

- Разбудите Федорова, - приказал я гвардии капитану Ярцеву, - вместе с ним оформите и через 20 минут доложите боевое распоряжение.

Ярцев долго не возвращался, и мне стало понятно, почему: разбудить Сергея не всякому удастся. Когда я подошел, Ярцев будил Федорова, а тот ругался.

- Иван, берите его за одну руку, я за другую и на ноги.

У Сергея ноги подгибаются, он продолжает во сне ругаться. Присоединился писарь, и мы трижды подбросили спящего. Он проснулся, сначала непонимающе посмотрел и, увидев меня, твердо стал на ноги.

- Есть!

- Что есть? - спрашиваю.

- Оформлять решение.

- Решение прежнее. Пишите боевое распоряжение, здесь на карте все помечено, - сказал я. - Вам дается 15 минут.

Через 15 минут боевое распоряжение понесли офицеры и посыльные подчиненным командирам.

В результате длительного наблюдения не только на фронте, но и на учениях мирного времени, у меня сложилось убеждение: офицеры оперативных органов штабов всех меньше спят, но и всех тяжелее просыпаются.

Утром после доклада комбригу о полученной боевой задаче и отданных распоряжениях он сказал:

- Надо бы РГ и отряд обеспечения движения выслать раньше, чем обычно.

- Так и сделано. Убыли в 5.30 с задачей к 7.30, то есть к моменту выступления ПО, разведать и подготовить отрезок пути 30 км до Старо-Оряхово, о чем донесут.

- Это подойдет. В горах нужно упреждение, иначе колонна будет ждать, когда починят какой-нибудь мост или расчистят обвал.

Командир бригады с группой офицеров и радиостанциями выступил за ПО, а мне приказал вести колонну главных сил. После Старо-Оряхово начался путь через Восточные Балканы, так называемую, Камчийскую Планину.

Я впервые двигался по горным серпантинам. Гравийная дорога значилась по карте двухпутной, но повороты на серпантинах это не позволяли. Хотя саперные подразделения умело обозначили трудные участки, поставили ограничители скорости, а комендант маршрута на тяжелые участки расставил посты регулирования, движение через Балканы шло медленно. Наблюдая на петлях серпантинов, за идущими за штабом тягачами с орудиями, нельзя было не оценить мастерство водителей, старавшихся не снижать скорость, направляя тягачи буквально по кромкам обрывов.

- Четвертый, как там?- спрашивал по радиации комбриг.

- Нормально. Средняя скорость примерно 16 км.

- В долинах наворачиваем.

И наворачивали, развивая скорость до 45-ти километров.

Как мы и рассчитывали, в 10 часов 40 минут в Бургас вошел передовой отряд, а к 12-ти часам вся бригада была в городе.

Здесь нам устроили такую же встречу, как в Добриче и Варне. Но саперы и служба регулирования на этот раз обеспечили проход бригады через центр города. Решением командира бригады в центре был оставлен один мотострелковый батальон и штаб; все же другие части и подразделения сосредоточились в южной части города, между морем и Бургасским озером.

Здесь мы от руководителей комитета Отечественного фронта узнали, что в стране в ночь с 8-го на 9-е сентября началось вооруженное восстание против монархо-фашистского режима, завершившиеся к утру победой трудового народа. Вся власть повсеместно перешла к комитетам Отечественного фронта. Правительство Муравиева низложено. Армейские части повсеместно активно включились в восстание.

Уже в последующие дни стало известно, что по решению Национального комитета Отечественного фронта, Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии (коммунисты) и Главного штаба НОПА начало восстания было приурочено к моменту вступления в Болгарию Красной Армии. В ночь на 9-е сентября партизаны и воины

восставших частей Софийского гарнизона захватили министерства: военное и внутренних дел, почту, телеграф, радиостанцию и арестовали правительство Муравиева.

Ночью же было образовано правительство Отечественного фронта во главе с К.Георгиевым, лидером группы "Звено".

Между тем в центре города шел митинг, начавшийся еще до нашего прихода. Полковника Троценко пригласили выступить.

- Не будем вмешиваться в ваши дела. Спасибо за братскую встречу. Что нам нужно, так это чтобы вы передали нам немцев в качестве наших военнопленных или указали, где они еще есть.

Тут выступил вперед офицер, представитель бургасского гарнизона и пояснил:

- Немецкие офицеры и солдаты, в том числе из морской базы, вчера на автомашинах убыли на запад, а корабли ушли на юг, к туркам.

Все же уговорили Якова Ивановича выступить на митинге. После объявления об этом и появлении его на трибуне раздался гром аплодисментов и возгласы: "Да здравствует братский Советский Союз!", "Да здравствует Красная Армия- освободительница!", "Болгария и Россия - вечная дружба!".

Полковник Троценко сказал немного:

- Поздравляем вас с изгнанием гитлеровцев! "Да здравствует наш брат - свободный болгарский народ!"

Митинг закончился. Окружавшие нас люди продолжали жать руки, обнимать.

- А разве у вас нет танков? - наперебой спрашивали девушки и парни.

- Есть, к вечеру будут здесь. Горная дорога снижает их скорость.

- Ура! Будут советские танки!

Мои глаза тянулись к красивому архитектурному творению - собору Кирилла и Мефодия, названному в честь древних болгарских просветителей, авторов славянской письменности. И в памяти всплыло как-то прочитанное. о их влиянии сначала на Киевскую, а потом и на всю Русь.

- Нравится? - спросил меня начальник артиллерии гвардии майор Лещенко.

- Нравится. Собор напоминает и о их прогрессивной роли.

- Попы и прогресс? - вопросительно заговорил гвардии подполковник Листухин.

- Разве это совместимо?

- Без этих попов в Киевскую Русь проникла бы латиница, а с нею - католицизм с его реакционными орденами типа иезуитского.

- Вот так, Иван Яковлевич, - подслушав разговор, проговорил полковник. - Не случайно русским алфавитом пользуется подавляющее большинство народов СССР.

До исхода дня в Бургасе и Айтосе сосредоточился весь корпус, а наша бригада полностью ушла в южную часть города. Здесь мы получали нарастающие сведения о развитии событий. Новое болгарское правительство объявило войну фашисткой Германии и обратилось к Советскому правительству с просьбой о заключении перемирия.

- Еще одно достижение, рожденное нашей победой под Кишиневом! - воскликнули мы в штабе.

- Да, фашистская коалиция разваливается, как волчья стая после первых потерь, - резюмировал полковник.

Уже около 23-х часов стало известно, что вечером прекращено состояние войны с Болгарией. Ликовали болгары, ликовали мы. Именно следствием неопишемого воодушевления явился салют, организованный командованием корпуса утром 10-го сентября: залпом стреляли с набережной в море танки и орудия. Под аплодисменты тысяч горожан.

После салюта, с разрешения командира корпуса, группа офицеров штаба бригады, во главе с комбригом, побывала в военном городке, расположенном у моря, с целью посещения братской могилы русских воинов, павших за освобождение Болгарии от османского ига. Говорили, что ее обустройство, как и сотен других русских могил, произведено совместно русскими и болгарскими людьми на средства, выделенные российским правительством.

Могила оказалась в самом красивом месте военного городка и была в прекрасном состоянии. В центре могилы стоял обелиск, обнесенный массивной чугунной цепью на чугунных столбах.

Возложив полевые цветы, мы минутой молчания почтили память предков-героев, а затем душевно поблагодарили болгарских офицеров за образцовое содержание могилы.

- Могилы русских воинов нам также священны, как и болгарских ополченцев, - ответили они.

Разве мог я в этот момент предположить, что в этом городке будет стоять 13-й гвардейский мехполк, каковым стала в результате реорганизации после войны 13-я бригада, и с весны 1947-го года мне посчастливится командовать этим полком.

В половине дня 10-го сентября бригада получила предварительное распоряжение о занятии обороны в районе Кайнарджа, Равно-Гора, Созопол, Св.Никола фронтом на юг, восток и северо-восток. На основании его была проведена рекогносцировка. По возвращении с нее, где-то около 18-ти часов, поступило боевое распоряжение, подтверждавшее задачу на оборону указанного выше района. И комбриг приказал:

- Подайте команду на выдвижение в район обороны. Нужно использовать светлое время.

- Есть. Порядок движения не меняется?

- Конечно.

Это значило, что из Бургаса бригада идет одной колонной сначала вдоль побережья на Св.Никола. При этом усиленные мотострелковые батальоны при подходе к своим маршрутам последовательно покидали общую колонну для занятия назначенных им районов. Все другие части и подразделения должны были занять оборону в районе Св.Никола, включая КП бригады.

Но не успел я распорядиться, как последовал вызов комбрига и меня к командиру корпуса с указанием бригаде оставаться на месте.

Посмотрев на карте построение обороны бригады, генерал Жданов приказал:

- Выдвигаться в оборону ночью порядком, намеченным вами, но с полным светом фар и пуском большого количества ракет разных цветов вплоть до выхода в районы обороны. А разведдозоры по трем маршрутам вывести в Звездец, Визица, Болгари со светом и пуском ракет до выхода в эти пункты.

И, обращаясь ко мне, комкор продолжил:

- Вам Обатуров, с радиостанциями для связи с дозорами и мною расположиться с командиром среднего, 1-го мотострелкового батальона и не допустить, чтобы кто-либо из личного состава Красной Армии продвинулся к болгаро-турецкой границе далее дозоров, не говоря уже о нарушении ее.

По дороге в бригаду полковник Троценко, думая вслух, пытался разгадать цель задуманной демонстрации.

- Что это? Выявить реакцию Турции на наше соседство, или специально показать нашу готовность к отражению нападения со стороны Турции?

- Может быть, вы близки к истине. Делается это вероятнее всего в интересах болгарской революции: показать турецким властям, что отныне Болгария - под защитой СССР, - поделился своими раздумьями я.

- Во всяком случае, это - большая политика, - заключил командир бригады.

Готовясь к выполнению указаний командира корпуса, мне пришлось главное внимание, естественно, уделить радиосвязи с разведдозорами в условиях горной местности. В каждый дозор был направлен офицер штаба с надежной рацией.

Активное участие в подготовке маневра принял и начальник особого отдела "Смерш" гвардии майор Степан Гаврилович Кустов, отличавшийся трудолюбием, основательно делавший свое дело и постоянно взаимодействовавший со штабом.

Движение колонны начали после 23-х часов. И над каждой колонной взлетали ракеты, окрасив местность в разные цвета. На подъеме к Равно-Горе я смог обозреть движение колонн, четко обозначенное ракетами. Зрелище, усиливавшееся темнотой ночи, было внушительным: как-будто двигалась масса войск.

К трем часам 1 1-го сентября бригада вышла в районы обороны, а к 9-ти часам заняла ее. К пяти часам и разведдозоры вышли в указанные им пункты, о чем я донес комкору и комбригу. С облегчением вздохнул и заснул на сидении своей радиийной машины.

Около девяти часов к радиостанции меня вызвал командир корпуса. Сон, конечно, улетучился, как пар, я вскочил в кузов РСБ и доложил, что слушаю.

- Обатуров, где разведдозоры?

- Доносил и докладываю, в Звездец, Визице и Болгари. Генерал Жданов резко возразил:

- Нет их там! Вы ничего не знаете. К югу от Звездец разведка уже ушла к туркам.

- Не только за границу, но и к границе никто из разведчиков не подошел, - настойчиво повторил я.

- Немедленно лично проверить местонахождение дозоров и через два часа доложить.

Понимая, что за два часа в горах 180 км проехать не смогу, отправился в Звездец и Визицу, а в Болгари направил майора Федорова. Оказалось, что дозоры стоят там, где им было приказано. Вернувшись через два часа с четвертью, незамедлительно связался с радиостанцией командира корпуса. Трубку взял подполковник Толубко.

- Дозоры проверены: два мною, один Федоровым. Мой доклад был точным.

- Ты сам, Геннадий, был в Звездец?

- Лично сам. Там и болгары сказали, что никто из русских к границе не проезжал.

- Очень хорошо. Сейчас генерал говорит с самым старшим. Ждите.

Прошло не более пяти минут, как прозвучал голос комкора:

- Значит, свой доклад подтверждаете?

- Так точно.

- Минуту.

И услышал, как генерал Жданов докладывал по телефону:

- Товарищ командующий, начальник штаба бригады лично проверил и мне только что доложил, что к границе никто из наших не подъезжал.

Что ответил Толбухин (получивший уже звание Маршала Советского Союза), мне не было слышно. Подошедший к радио Толубко сказал:

- Приказано дозорам стоять там, где находятся. Ракеты не пускать.

О случившемся доложил полковнику Троценко.

- Мне тоже попало, только не знаю, за что. Может, за то, что на обвинение в беспорядках, творящихся в бригаде, я ответил: "У Обатурова все в порядке. В точности его доклада не сомневаюсь".

Днем по заданию командира корпуса дозоры проверили гвардии подполковник Толубко со своим помощником.

- Доклады твои, Геннадий, конечно, верные, - захав ко мне, сказал Владимир Федорович.

- Володя, недоверие и неуважительное отношение ко мне генерала Жданова известны. Но что же произошло?

- Доверительно скажу. Командующему войсками фронта утром позвонили из Ставки и распорядились срочно выяснить, где и чьи советские подразделения или части перешли болгаро-турецкую границу. Это, мол, встревожило союзников. Нарушителей границы приказано немедленно вернуть, расследовать и доложить. Толбухин в свою очередь потребовал того же от Жданова.

Указывая на свою карту, он продолжал:

- Нам приказано не столько проверить дозоры, сколько посетить болгарские заставы на всех трех направлениях. Мы убедились, что к заставам никто из Красной Армии не подходил. Мы были первыми советскими офицерами, которых видели пограничники.

Володя закончил рассказ со смехом:

- Болгарские пограничники видели ракеты ваших дозоров и ждали вас. А с утра и до сих пор не видят ни пограничников, ни таможенных чиновников Турции. Никого нет. Выходит, что они от испуга удрали, бросив границу.

- Это шумное выдвижение в сторону границы осуществлено по распоряжению фронта? - спросил я.

- Конечно.

К вечеру по указанию командира корпуса дозоры были отведены на участок обороны бригады.

После моего доклада полковник Троценко резюмировал:

- Напугало большое начальство и турков, и себя.

- Похоже, больше всех напугался кто-то из союзников, - высказался я.

- А что? Может, и так. А вот Жданов испуг верхов и свой превратил в грубость и оскорбил нас. Когда Жданов ругался в трубку, я ему сказал: "Можете хамить, когда убедитесь, что мы виноваты, а сейчас прекратите". Он бросил трубку.

Мне подумалось: "Зря сказал, это отразится на бригаде".

В тех архивах корпуса и фронта, которые удалось изучить, не встретилось сведений, во исполнение чьих указаний был осуществлен этот маленький маневр к болгаро-турецкой границе, вызвавший большой переполох. Остаюсь уверенным в том, что это исходило из центра.

КП бригады был оборудован на южной окраине поселка Св.Никола, а часть штаба разместилась в нескольких комнатах штаба полка береговой обороны болгарской армии. Здесь мы близко познакомились с болгарскими военнослужащими. Еще ночью с 10-го на 11 -е сентября командира бригады встретил у штаба командир полка.

- Поручик Чиков, командир на полк, - представился гвардии полковнику Троценко молодой болгарский офицер среднего роста.

Вскоре мы узнали, что 8-го сентября солдаты полка потребовали от нескольких офицеров, политически неугодных, во главе с командиром полка оставить полк, а поручика Чикова, коммуниста-подпольщика, избрали командиром.

С личным составом полка у нас установились самые дружеские отношения. Бросалась в глаза дисциплина и исполнительность. Зная, как в Меджидии из румынского охранного батальона с 24-го по 31-е августа дезертировала половина солдат, я спросил поручика Чикова:

- Много ли в полку дезертиров?

Чиков удивленно посмотрел на меня и ответил:

- Дезертиров нет и быть не может.

Самым неожиданным явилось то, что наши воины без особого труда объяснялись с болгарскими. Заимели мы в штабе двух солдат из советских болгар, призванных еще с начала войны из района Болграда, города на территории Измаильской области Украины. Эти гвардейцы прошли по полям войны уже три года и вызывали восхищение у болгарских солдат своими наградами. С помощью их сравнительно своевременно были доведены до личного состава бригады русские слова, звучащие по-болгарски непристойно.

Второе событие из области большой политики началось утром 12-го сентября. Была получена шифротелеграмма командира корпуса, адресованная всем бригадам. В ней предписывалось изъять у болгарских войск, расположенных в районах дислокации бригад, все вооружение. Словом, надлежало их разоружить.

Прочтя шифровку, комбриг, начальник политотдела и я с ними не сразу нашли слова. Надо было поступить вопреки дружеским отношениям, установившимся с полком.

- Как мы им, братьям-болгарам, объясним это? - посетовал полковник Троценко.

Но распоряжение надо выполнять. Приглашенному поручику Чикову командир бригады самым сочувственным тоном сказал:

- Объясните офицерам, а через них подофицерам и солдатам, что это - мера временная, вызванная беспокойством наших союзников. Пройдет немного времени, и мы все вам вернем.

- А сейчас, - продолжил полковник, - полевые орудия стяните во дворы двух казарм, одной в Св.Никола и одной в Созополе, стрелковое оружие вместе с пирамидами в одну из казарм каждого военного городка. Наши караулы станут на стационарных береговых батареях, в артиллерийских парках, у пирамид и складов

боеприпасов. Рекомендуем никого не увольнять в город и поселки, заниматься боевой подготовкой и поддерживать дисциплину.

Тяжело воспринял распоряжение Чиков! Но исполнил точно. Болгарские воины сразу притихли, выглядели хмурыми. А за пределами городков в поселках Св.Никола и Созопол на лицах населения отразилось недоумение. Советских офицеров спрашивали:

- Что случилось? Разве вы не доверяете нам? Ведь ваши недруги уже не командуют в полку.

- Так надо, это временно, скоро все прояснится, - отвечали мы.

Наши ответы не были убедительными.

К счастью, это длилось трое суток. В первой половине дня 15-го сентября болгарскому полку были возвращены и вооружение, и боеприпасы по счету, без потерь. Поручик Чиков даже прослезился.

- Спасибо! Спасибо! Всички хубово! (Очень хорошо!). И напряжение между нами и болгарамы исчезло. Вскоре тогда от командования корпуса поступило такое объяснение случившемуся. Активное участие болгарской армии в революционных событиях 8-9 сентября стало возможным, по мнению английского правительства, потому, что Красная Армия намеренно не разоружила армию страны, с которой была в состоянии войны. Руководство СССР в интересах единства антигитлеровской коалиции пошло навстречу протесту англичан и разоружило те болгарские части, которые находились в зоне действий советских войск. А после объявления новым болгарским правительством войны Германии, возвращение болгарам вооружения стало естественной необходимостью, и Черчилль вынужден был примириться с этим.

В послевоенное время на поверхность всплыла истинная причина, побудившая англичан требовать разоружения болгар. Уинстон Черчилль, планируя занятие Балкан и недопущение на них СССР, не был заинтересован в сильной Болгарии. Для него лучше было бы, чтобы Болгария оставалась побежденной страной, и с уходом из нее Красной Армии вперед по ходу войны, англо-американцы могли бы ее оккупировать, а затем захватить и Румынию, как им это удалось с Грецией.

В свете этого, второго события стало тогда более ясным и первое. Мы в бригаде тогда пришли к выводу, что утверждение или запрос о переходе подразделений Красной Армии через болгаро-турецкую границу исходили от Великобритании. Не исключено, что турецкие власти, встревожившись в связи с приближением советских подразделений к границе, дали ложное сообщение именно Великобритании - стране, правительство которой задолго до войны внушало Турции угрозу советской агрессии.

Находясь в обороне, бригада приступила к боевой подготовке. Штаб подготовил и провел четырехдневные сборы радистов и радиотелеграфистов, двухдневные сборы подразделений регулирования и сигнальщиков-ракетчиков, две двухступенные штабные тренировки. Ремонтные подразделения и водители начали углубленное техническое обслуживание и ремонт автомобилей и бронетранспортеров.

38-й гвардейский танковый полк лишь 13-го сентября прибыл в Варну и был выгружен. Он остался там до особого приказа и развернул техобслуживание танков.

Тут возникло еще одно мероприятие. По распоряжению штаба корпуса 14-го сентября бригада сформировала колонну из 80-ти наиболее надежных автомашин и направила ее на перевозку частей 34-го стрелкового корпуса 57-й армии в район

столицы Болгарии Софии. Такие же колонны сформировали и другие соединения и части корпуса.

А случилось следующее. Гитлеровское командование накапливало силы в районе Видина, Заечара, 140 км северо-западнее Софии, и в районе югославского города Ниш, 130 км к западу от Софии. Возникла опасность для столицы, и правительство Отечественного фронта обратилось к командованию 3-го Украинского фронта с просьбой помочь в защите Софии. Именно с целью пресечения возможного удара немецких войск на столицу Болгарии и перебрасывался стрелковый корпус.

22-го сентября колонна возвратилась, успешно выполнив свою задачу.

Постоянный контакт с болгарским полком позволял нам многое знать о тех преобразованиях, которые происходили в армии.

- Сейчас в центре формируются новые части на базе партизанских бригад и отрядов НОПА, - говорил нам поручик Чиков. - Уже сформирована 1-я гвардейская дивизия в Софии. Наряду с новыми формированиями меняют лицо части старой армии. Большинство реакционеров из войск было изгнано в ходе революции. В части направляются командиры - патриоты из НОПА.

Революция защищалась. Народная власть создавала и народную армию.

А у нас не ослабевала партийно-политическая работа, нацеленная, прежде всего, на правильные взаимоотношения с местным населением. Наряду с ознакомлением личного состава с историей дружеских отношений России и Болгарии, разъяснялись суть и значение революции 9-го сентября и перехода новой Болгарии на сторону антифашистской коалиции.

Результатом этой работы явилось отсутствие сколько-нибудь серьезных инцидентов между советскими военнослужащими и местными жителями. Не тогда, а много позже те из нас, кто был в то время в Болгарии, осознали, что являлись зачинателями большой советско-болгарской дружбы.

22-го сентября корпус убыл в район Ямбол, Зимница, Крушаре. В связи с этим бригада с вечера 21-го сентября главными силами перешла в Бургас, оставив на оборонительном рубеже два мотострелковых батальона. С подходом в район Бургаса частей 37-й армии, она к 14-ти часам 24-го сентября присоединилась к корпусу, перейдя в район села Могила. Сюда же по железной дороге прибыл танковый полк, примкнув, наконец, к бригаде.

Еще 23-го сентября командир корпуса провел специальное совещание, поставив задачи по подготовке техники к маршу на большое расстояние. Он потребовал до 29-го сентября отремонтировать все боевые и транспортные машины и вооружение, очистить их от грязи, пыли и нуждающиеся в этом - покрасить. На 29-е сентября был назначен смотр.

Техника действительно требовала большой работы по ремонту и восстановлению моторесурса. В Яско-Кишиневской операции и после нее танки прошли более 600 км, автомашины - от 3000 до 4000 км.

В корпусе забота о технике была традиционной. Ее ремонту и обслуживанию уделялось большое внимание. Во главе этого стояли генералы и погибший Танасчишин и командовавший корпусом Жданов. К чести последнего, он знал танки и особенно автомобили, любил водить. По его примеру мы не забывали найти время и поводить танк, автомашину.

Сразу по прибытии в село Могила полковник Троценко дал подробные указания командирам частей и подразделений по ремонту и обслуживанию вооружения и техники. Особое внимание он потребовал уделить машинам, вернувшимся с перевозки войск.

- Контроль с вашей стороны должен быть непрерывный, а командование и штаб бригады будут проверять, как выполняется план-график ремонта и обслуживания. Переместитесь со своими штабами к местам стоянки машин. Имейте в виду, что на смотре нашу бригаду будут проверять с пристрастием.

Позже в узком кругу подполковник Листухин спросил командира бригады:

- Почему с пристрастием?

- Потому, что она "13" - номер-то какой! - с иронией ответил полковник, уклонившись от прямого ответа.

Были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых рассматривались задачи коммунистов и комсомольцев по подготовке техники к маршу. Политотдел оформил и передал в подразделения материал об опыте лучших экипажей, водителей и ремонтников.

Теперь вся деятельность штаба была подчинена работам на технике. Экипажи танков и БТР, водители, специалисты-ремонтники подразделений не привлекались ни в наряд, ни на другие работы. Офицеры штаба проверяли ход выполнения плана и докладывали мне до 18-ти часов, а комбриг заслушивал командиров полков, батальонов, дивизионов и своих заместителей с 19-ти до 22-х часов ежедневно.

Хотя бригада позже других на двое суток занялась вплотную техникой, она ее к вечеру 28-го сентября привела в порядок, включая постановку в строй для смотра.

Прежде чем рассказать о смотре, остановлюсь на инцидентах, имевших место 25-го и 26-го сентября.

25-го, перед заслушиванием, полковник Троценко вызвал меня к себе в хату. Бледный и необычно взволнованный, он начал разговор.

- Я только что от Жданова. Он стал отчитывать меня за плохую организацию работ на технике. Я пытался спокойно доложить, что уже сделано, и хотя есть недостатки, но они быстро устраняются. Но он не дал мне доложить и на повышенных тонах обвинил в постоянных пререканиях и неисполнительности. Стерпеть неправду и грубость я не смог и упрекнул его в неумении спокойно разговаривать с подчиненными. Тут Жданов закричал: "Вы поучать меня? Тогда идите на службу к другому командиру!" Я ответил: "Буду рад уйти, устал от недоверия и грубости". Вот так, Обатурыч.

Я некоторое время молчал, поглощенный мыслями о последствиях, а затем высказался.

- Мне не положено вас поучать как по положению, так и возрасту. Понимаю, что вы открылись передо мною, чтоб излить душу. И все же позволю заметить, что из-за неприязни к вам комкора страдает вся бригада. Она стала Золушкой, ею помыкают. Вам тяжело, вы готовы уйти, но учли ли, что за ваши ответные упреки в адрес генерала расплачиваются, и будут расплачиваться тысячи воинов, которые ни в чем не хуже воюют других... Извините меня.

Полковник посмотрел на меня вопросительно-недоверчивым взглядом голубых глаз, встал и молча зашагал по хате.

Пауза дала мне возможность продолжить разговор.

- Еще в Ковырлуе вы сказали, что все больше узнаете генерала. Не могли не заметить, что Владимир Иванович хочет от нижестоящих абсолютного, безответного подчинения, абсолютной покорности. Учитывают же это полковники Никитин и Жуков, командиры 14-й и 36-й бригад, терпят и пользуются авторитетом.

- Нет уж! Приспособление к дурному характеру начальника - не по мне. А насчет бригады - ты прав. Мне надо было найти другой путь, чтобы уйти от Жданова.

Этот разговор показал мне еще одну черту характера Якова Ивановича, которую я не замечал. Обладая нормальным чувством гордости и самоуважения, он был излишне упрям.

Взволнованный, следующую ночь я почти не спал. В памяти всплывали мои командиры. Получилось так, что и Афанасьев, и Щербаков, и вот теперь Троценко, способные к самовыражению и не стеснявшиеся высказывать свое мнение по тем или иным вопросам, не пользовались поддержкой непосредственных начальников. Особо тяготила боль за бригаду, за то, что люди расплачивались за эти дразги. А 26-го сентября меня вызвали в Ямбол, к Жданову. Перед тем, как прибыть к последнему, я зашел к полковнику Чижу.

- Хорошо, что зашел. Я догадываюсь, что речь пойдет о Якове Ивановиче. Думаю, что в непростом разговоре вы проявите выдержку.

- Если речь о моем непосредственном начальнике, то почему разговор со мной?.. Но о ком бы и о чем бы речь ни пошла, скажу то, что думаю.

- Не сомневаюсь.

И Владимир Филиппович пожелал удачи.

Не без волнения я доложил командиру корпуса о прибытии. Он почему-то позвал подполковника Толубко, пригласил нас сесть и сразу заговорил жестко.

- Вы что там, в 13-й, против моих указаний? Почему вместо сплошной переборки колес производите выборочную? Почему Троценко отменил промывку воздухоочистителей и продувку радиаторов танков? Люди Прагина проверяли и нашли, что те и другие агрегаты забиты пылью.

Все, в чем обвинил командира бригады генерал-лейтенант танковых войск Жданов, было неправдой. Но я уловил еще два момента: во-первых, сознательно назывались операции, о ходе которых начальник штаба бригады мог не знать, но я-то знал; во-вторых, упор на неисполнительность Троценко должен был подкрепиться неясностью моих ответов или хотя бы незначительным подтверждением в них правоты генерала.

Словно по заказу меня покинуло волнение, и на вопросы комкора я ответил спокойно.

- И в планах от бригады до роты записано, и фактически сплошная перебортовка начата. Вчера весь день я был в танковом полку и в числе других операций по поручению полковника Троценко проверил промывку воздухоочистителей. Полк это выполнил в Варне, а продувка радиаторов вчера начата. Прагин был при мне, заслушивал командира полка и убедился в этом.

- Пора говорить правду и перестать выгораживать Троценко, не желающего выполнять мои требования. Вам, как человеку разумному, не следовало бы говорить неправду, а о случаях игнорирования моих указаний докладывать мне.

- Я этого не замечал.

- Вы спелись с ним! От вас правду не услышишь. Обвинение во лжи возмутило, и я сказал:

- За короткое время вы неоднократно обвиняете меня в неправде. Это затрагивает мою честь.

- Можете идти! - махнув рукой, резко приказал генерал. Во время посадки в машину подошел подполковник Толубко и сказал:

- Резко ты закончил, ему надо уступить.

- Жданову, зная его характер, я всегда уступаю, но когда он бесчестит, молчать не могу.

Так случилось, что в январе 1945-го года, в ходе Будапештской операции Толубко попал в немилость к Жданову. В первой половине того же месяца, в перерыв между боями, подполковник Толубко приехал ко мне. Пообедали, и Володя поведал:

- Трудно служить у Жданова. Он обвинил меня в зазнайстве, переоценке себя, во вмешательстве в служебную деятельность других лиц, в неисполнительности и тому подобное¹⁶⁶. Все это нагромождено с какой-то целью.

- Это неожиданно. Он засыпал тебя, Володя, похвалами и орденами и... вдруг такое.

- Представь себе, именно так.

- В Ямболе ты мне говорил другое...

- Я ошибался.

- У тебя все наладится. Ты - не Троценко с его упрямством, обладаешь гибкостью и умеешь ладить.

Действительно, скоро Володя вновь стал близок Жданову. А в тот январь как-то полковник Чиж сказал мне:

- Я между ними в неловком положении. Комкор приблизил Толубко, часто дает ему поручения в обход меня, а теперь требует, чтобы я Владимира Федоровича привел в порядок.

Вернусь к 26-му сентября. Я доложил командиру бригады лишь самое главное.

- Может, кто-то и наговорил, - сказал полковник.

И он позвонил гвардии инженер-подполковнику Г.Р.Прагину. Последний заверил, что он еще не докладывал командиру корпуса о посещении бригады.

- Ты слышал? Прагин добавил, что его доклад будет положительным.

Так окончательно сложилось у меня мнение о генерале Владимире Ивановиче Жданове, как личности весьма противоречивой. Таким оно было у многих. В марте его высказывал гвардии подполковник И.Д.Ивлиев, командовавший до ранения 36-й танковой бригадой; в описываемый период - гвардии подполковник Андрианов, командир 15-й мехбригады.

Бесспорно, генерал Жданов являлся одаренным военачальником. Его оперативно-тактические знания были высокими, а военно-технические - вполне удовлетворительными. Им почти всегда принимались оригинальные, основанные на всестороннем анализе обстановки, решения, приводившие, как

правило, к успеху. Обладая сильной волей и решительностью, генерал Жданов умел доводить задуманное до конца. Его отличали смелость, быстрота мышления и цепкая память.

Отзыв Маршала Советского Союза Ф.И.Толбухина о Жданове не случаен. Не соглашаясь с попыткой оправдать командира 7-го мехкорпуса генерала Ф.Г. Каткова, опоздавшего ввести в прорыв свой корпус 21-го августа на несколько часов, и сравнивая со своевременными и стремительными действиями 4-го гвардейского мехкорпуса, Толбухин говорил: "А у Жданова они (условия - Г.О.) были легче? Мне кажется, что Жданову довелось испить чашу горше, а смотрите, сколько в нем энергии, воли, как он чувствует оперативную обстановку".

Но в характере Владимира Ивановича имелось немало отрицательного. Крайне высокое мнение о себе и высокомерие мешали ему слушать других. Будучи весьма категоричным, он не терпел возражений, даже обоснованных. Отличался злопамятством, любил лести и угодничество. В успехах корпуса видел, прежде всего, себя.

Эти отрицательные черты характера начали проявляться все резче после того, как Владимир Иванович стал генерал-лейтенантом, Героем Советского Союза.

Как-то при встрече после войны, когда я служил уже в другом соединении, полковник В.Ф. Чиж сказал:

- Жданов далеко бы пошел, если был бы человечнее. Верные слова!

29-го сентября бригады построились в линию ротных колонн для смотра со знаменами и оркестрами. Машины и орудия сияли в лучах солнца. Настроение гвардейцев было праздничное, слышались смех, веселье.

Смотр командир корпуса начал с 15-й гвардейской мехбригады, то есть с левого фланга. Нам было позволено присутствовать, поэтому замечания проверяющих тотчас передавались в бригаду для немедленного устранения.

Очередь до нашей бригады дошла близко к обеду. После торжественной встречи командир корпуса прошел вдоль фронта в сопровождении командира бригады и после команды "вольно" подошел ко 2-му мотострелковому батальону. Он осмотрел одну машину "Форд-6" и, проведя белой тряпкой по капотам двух машин, сказал:

- Машины грязные, смотр переносу на 4-е октября. Потрудитесь подготовиться должным образом.

И, не глядя на нас, удалился. Все же мы услышали, как шедший с ним рядом начальник политотдела корпуса полковник А.М. Костылев тихо сказал:

- Посмотреть бы, люди-то трудились. Комкор ничего не ответил.

Собрав командиров полков и подразделений, полковник Троценко коротко сказал:

- К смотру мы подготовились плохо. Машины грязные. Есть время сделать их чистыми. Но не упустите главное - комплектование машин всем необходимым для марша и боя.

Помощник командира бригады по техчасти на ходу сказал:

- Тряпочка-то комкора в 15-й бригаде была темно-серой, а у нас лишь припылена.

- Прошу вас, майор Лысенко, прекратить эти разговоры. Беритесь за дело! - строго сказал комбриг.

Естественно разочарование гвардейцев, искренне желавших показать свою работу комкору, но бессильных сделать это. И лишь Яков Иванович и я знали подоплеку случившегося.

Бригада продолжила работы, но уже 30-го сентября получила распоряжение к 20-ти часам 1-го октября подготовиться к маршу до 1000 км, причем указывалось, что по прибытии в конечный пункт надлежит иметь три заправки горючего. Естественно, все внимание сосредоточилось на подготовке к маршу, включая создание повышенных запасов материальных средств.

Корпусу следовало совершить комбинированное передвижение в северо-западную часть Болгарии, в район города Видин. Тяжелая техника перевозилась по железной дороге, колесная двигалась своим ходом. Половина соединений и частей марш начала 2-го, другая - 3-го октября.

Задачу для бригады в штабе корпуса я устно получил вечером 1-го октября, а к 16-ти часам 2-го она была подтверждена письменно. Бригада должна была совершить марш с семи с половиной часов 3-го октября за 15-й мехбригадой и, следуя по маршруту Ямбол, Сливен, Казанлык, Карлово, Златица, Орхание, Мездра, Гливица, Фердинадово, Арчар, к исходу 5-го октября сосредоточиться в районе населенного пункта Мал. Дреновец. Танки и орудия артдивизиона следовало погрузить в эшелоны на станции Ямбол к исходу 2-го октября.

- Идем к югославской границе, значит, придется воевать в Югославии, - уясняя задачу, рассуждал полковник Троценко. - Новые незнакомые гитлеровцы.

- Да, перерыв в боевых действиях кончается. А в Югославии помимо гитлеровцев есть их местные пособники, - продолжал рассуждения я. - Выходит, продолжение войны не будет легким.

- А в районе Видина наши войска есть? Или только болгарские?

- Там передовые соединения 57-й армии, - ответил я.

- Значит, наш выход туда прикрыт.

Марш штабом корпуса был спланирован тщательно. Точно определялась величина дневных переходов, места ночного отдыха и пункты получения горючего, пункты информации по болгарским телефонным линиям и сбора донесений. Был полный запрет на использование радиосредств как необходимое условие для скрытия перегруппировки корпуса.

По решению командира колонна бригады была разделена на 12-ть походных эшелонов, основы которых составляли батальоны, две половины противотанкового полка, артдивизион, автотранспорт танкового и зенитного полков и подразделений тыла.

Корпус совершал марш по одной дороге. Поэтому штаб корпуса каждому эшелону определил свой номер, а командир его получил проходное свидетельство. Место эшелона в колонне определялось его номером и не могло быть изменено. То же самое касалось каждой машины в эшелоне, получившей в свою очередь свой номер, выписанный на бортах и корме. Каждый водитель на случай вынужденного отставания имел маршрутную карточку. В ней, кроме маршрута, указывались допустимая максимальная скорость, дистанция от впереди идущей машины днем, ночью и в горах, объемы технического обслуживания на привалах.

Как и на марше через Восточные Балканы, все грузовые машины и двухосные тягачи были оборудованы горными упорами на случай отказа тормозов на подъемах и серпантинах. Каждый походный эшелон в техническом замыкании имел подвижную реммастерскую.

Решением командира бригады предусматривалось расстояние в 510 км преодолеть за три дневных перехода: первый, 3-го октября - 300 км; второй 4-го октября, через Западные Балканы - 150 км; третий - 60 км.

- Подать сигнал ракетами! - скомандовал полковник в 7.30 3-го сентября.

И три красные ракеты взлетели в воздух. Это - начало движения головного походного эшелона, которым командовал гвардии капитан Бабкин. Эшелон тотчас тронулся. Несмотря на раннее время, жители села Могила и города Ямбол стояли вдоль грейдера и улиц, приветливо провожали взмахами рук, желали хорошей дороги и новых побед. Так было на всем пути до района сосредоточения.

Как начала бригада марш, так его и закончила: организованно и в назначенные сроки. Уже к 11-ти часам 5-го октября бригада сосредоточилась в перелесках и по балкам к югу от Мал. Дреновец. В пути отстало десять автомашин; они были отремонтированы и 6-го октября прибыли. В этот же день прибыли по железной дороге танки, орудия артдивизиона и вагоны с бригадным и полковым подвижными запасами боеприпасов.

По приказу командира бригады вечером 6-го октября на КП корпуса я доложил лично начальнику штаба корпуса о результатах марша.

- Значит, отставших было десять автомашин и те уже дома? - переспросил гвардии полковник Чиж.

- Так точно.

- Что ж, приятно слышать такой доклад. Доложу командиру корпуса... Имею данные еще от двух бригад, но они похуже. Есть по две-три аварии.

Этот марш по Болгарии с ее востока до северо-запада явился началом подготовки к новой операции.